

ВЛАДИМИР ДАВЫДОВ

ДИЗРАЭЛИ

РОМАН О БОЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ,
ШПИОНАХ И СДЕЛКЕ ВЕКА

ПО МОТИВАМ КУЛЬТОВОЙ БРОДВЕЙСКОЙ ПЬЕСЫ
ЛУИ Н. ПАРКЕРА «ДИЗРАЭЛИ»

ФИЛЬМ «ДИЗРАЭЛИ» (1929) ПОЛУЧИЛ 3 НОМИНАЦИИ
НА ПРЕМИЮ «ОСКАР» (ЗА 1929/1930 ГОДЫ)
И ЗАВОЕВАЛ ОДНУ НАГРАДУ

Владимир Давыдов
Дизраэли

«Автор»

2026

Давыдов В.

Дизраэли / В. Давыдов — «Автор», 2026

Осень 1875 года. Пока британская аристократия наслаждается безмятежным покоем в загородных имениях, в Лондоне и Париже разворачивается одна из самых дерзких финансовых интриг в истории империи. Египетский хедив на грани банкротства готов продать акции Суэцкого канала — главного ключа к индийским колониям. Французские агенты уже готовы захватить контроль над артерией. Премьер-министр Бенджамин Дизраэли («Диззи») понимает: времени на парламентские дебаты нет. Оппозиция требует соблюдения законов, шпионы охотятся за каждым его шагом, а казна пуста. И тогда великий визионер решается на рискованную игру втёмную, заключив союз с влиятельным банкиром. Эта книга — захватывающая проза о большой политике, шпионских страстях, закулисных заговорах и силе человеческого характера, способного изменить судьбу целой эпохи. По мотивам легендарной бродвейской пьесы и оscarоносного шедевра.

© Давыдов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Гластонбери-Тауэрс	9
Глава 1. Гость, которому нет покоя	9
Глава 2. Цветы для Мэри Энн	13
Глава 3. Египетская канава	18
Глава 4. Потомок и предок	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Давыдов Дизраэли

Предисловие автора

Имя Бенджамина Дизраэли, первого графа Биконсфилда и дважды премьер-министра Великобритании при королеве Виктории, навсегда вписано золотыми буквами в историю мировой политики. Человек удивительной судьбы — писатель, франт, блестящий оратор, выходец из еврейской семьи, сумевший покорить вершины британского истеблишмента, — он обладал дальновидностью настоящего визионера. Его геополитические шахматные партии по сей день изучаются историками, а его яркие афоризмы не теряют актуальности.

Когда в 1911 году известный британский драматург Луи Н. Паркер перенес образ великого «Диззи» на театральные подмостки, пьеса мгновенно стала классикой. Но поистине всемирную славу этой истории принес кинематограф. Звуковая экранизация 1929 года в корне изменила представления о возможностях исторического кино, а гениальное перевоплощение актера Джорджа Арлисса, удостоенное премии «Оскар», заставило зрителей по всему миру затаить дыхание перед экраном. Арлисс создал образ политика, в котором стальной стержень государственного деятеля удивительным образом уживается с мягким юмором, самоиронией и нежной, преданной любовью к своей жене Мэри Энн.

Предлагаемая вниманию читателей книга — полноценная новеллизация пьесы Луи Н. Паркера. Это драма о власти, рискованных финансовых решениях, шпионских интригах и человеческой чести. Здесь сталкиваются интересы держав и судьбы молодых людей, ищущих своё место в жизни под наставничеством премьера.

Работая над русским переводом диалогов и романной переработкой пьесы, я стремился сохранить её сюжет, британский юмор, изящество реплик и особую интонацию Дизраэли. Романная форма позволила подробнее передать обстановку, движения чувств и мысли персонажей.

Пусть эта книга познакомит читателя с произведением Паркера и подарит удовольствие любителям исторической прозы и классической драматургии.

Владимир Давыдов

Главные герои

Здесь представлены главные и второстепенные персонажи пьесы Луи Н. Паркера и её романной переработки.

Бенджамин Дизраэли («Диззи») — премьер-министр Великобритании

Роль: Центральный протагонист, двигатель всего сюжета.

Характер: Блестящий политик с острым умом и тонким чувством юмора. Он совмещает прагматизм государственного деятеля с чуткостью любящего мужа, противостоит шпионам и ищет средства для покупки египетского пакета акций Суэцкого канала. Помогает Чарльзу найти своё призвание.

Мэри Энн Дизраэли — жена премьер-министра

Роль: Важнейший эмоциональный центр истории.

Характер: Преданная, нежная и любящая женщина. Несмотря на серьезные проблемы со здоровьем, она является главной опорой «Диззи», хранит домашний очаг и безумно гордится достижениями мужа. Их искренний и трогательный союз проходит красной нитью через все произведение.

Миссис Трэверс (Агата) — главная противница Дизраэли

Роль: Умная, элегантная и опасная шпионка, действующая в интересах Бисмарка.

Характер: Прекрасная манипуляторша, которая не боится рисковать. Она внедряется в высшее светское общество Лондона, чтобы добыть секретную информацию о покупке Суэцкого канала и сорвать сделку века. Становится главным интеллектуальным противником Дизраэли.

Второстепенные персонажи

Чарльз, виконт Диффорд — молодой аристократ

Роль: Протагонист романтической линии и протеже премьера.

Характер: Благородный, но самоуверенный молодой землевладелец. Он намерен улучшить жизнь работников в своём поместье, однако плохо понимает большую политику и чужие чувства. По неопытности выдаёт тайну сделки, а затем получает возможность исправить ошибку.

Леди Кларисса Певенси — возлюбленная Чарльза

Роль: Независимая и гордая героиня.

Характер: Девушка с независимым характером. Она отказывает Чарльзу, потому что не хочет быть лишь частью его заранее составленного семейного плана. Позже поддерживает его решение принять ответственное поручение Дизраэли.

Хью Майерс — влиятельный банкир

Роль: Ключевой финансовый союзник премьера.

Характер: Богатый и проницательный финансист. Его роль в сюжете напоминает об участии Лайонела Ротшильда в реальной покупке акций канала. Майерс предоставляет средства, когда Банк Англии отказывается поддержать замысел премьера.

Ламли Фолджем — сотрудник Дизраэли и тайный агент

Роль: Второстепенный антагонист, предатель.

Характер: Шпион, связанный с Агатой Трэверс. Пользуясь служебным положением, он пытается добыть сведения о сделке. Дизраэли знает о его деятельности и держит его под наблюдением.

Герцог и герцогиня Гластонбери и их семья

Роль: Хозяева Гластонбери-Тауэрс и участники светского окружения премьера.

Характер: Их разговоры раскрывают привычки, сословные предубеждения и семейные ожидания аристократического общества. Отдельную роль играет сэр Майкл Проберт, управляющий Банком Англии: он противится замыслу Дизраэли, но в решающий момент подписывает необходимое распоряжение.

Пьеса построена так, что все второстепенные линии (любовь Чарльза и Клариссы, финансовый тупик, шпионские игры миссис Трэверс) служат одной цели — раскрыть масштаб личности Бенджамина Дизраэли, его политический гений и человеческое обаяние.

Место действия пьесы

Пьеса Луи Н. Паркера построена как салонная и кабинетная драма. Четырём действиям соответствуют четыре места, в которых разворачиваются события.

Гластонбери-Тауэрс (Glastonbury Towers) — загородное поместье британской аристократии, где разворачивается пролог истории (первый акт). Здесь в непринужденной обстановке

светского приема завязываются основные интриги, происходит знакомство персонажей и озвучиваются глобальные политические планы.

Лондон, Даунинг-стрит, 10 — кабинет премьер-министра во втором действии. Здесь Дизраэли договаривается с Майерсом о финансировании сделки, противостоит Фолджему и отправляет Чарльза в Египет. Третье действие происходит в кабинете Дизраэли в Хьюэндене, где ждут известий из Каира. Четвёртое — в передней зале Министерства иностранных дел в Лондоне, во время торжественного приёма.

Географический контекст за кадром

Сценическое действие не покидает Англию, но поручение Чарльза и переговоры о продаже акций связывают события с Египтом и другими странами.

Египет (Суэцкий канал) — главная стратегическая точка притяжения сюжета, объект борьбы за финансовый контроль над торговым путем в Британскую Индию.

Пруссия и Бисмарк — противники Дизраэли в шпионской интриге Паркера. Их агенты в пьесе — Агата Трэверс и Ламли Фолджем. Этот сюжетный ход следует отличать от документальной истории покупки акций.

Индия — жемчужина британской короны, ради защиты которой Дизраэли затевает всю рискованную операцию по выкупу акций канала.

Таким образом, камерная английская сцена становится точкой, где решаются судьбы огромной Британской империи.

Часть первая. Гластонбери-Тауэрс

Глава 1. Гость, которому нет покоя

Утро в Гластонбери-Тауэрс начиналось с серебра.

Серебряные крышки поднимались над блюдами, ложечки касались тонкого фарфора, и лакей, прошедший через восьмиугольную комнату, нёс свежий номер «Таймс» на подносе, словно газета была ещё одним кушаньем, которое следовало подать прежде, чем оно остынет.

Из столовой доносился голос герцога. Тяжёлая дверь приглушала слова, но не уверенность, с которой они произносились. Герцог говорил так, будто собеседнику оставалось только согласиться; если согласия не следовало, он повторял свою мысль громче.

Лакей положил газету на стол, расправил загнувшийся угол и отступил. Сквозь открытые французские окна тянуло садовой прохладой. Ночной дождь оставил на гравии тёмные пятна; за подстриженными кустами лежала крокетная площадка, и влажная трава казалась почти чёрной там, где её ещё не коснулось солнце. В комнате пахло кофе, розами и воском, которым натирали паркет. Здесь не было вещи, доставшейся случайно, и даже утренний воздух словно допускали внутрь с разрешения хозяйки.

Герцогиня вышла из столовой первой.

Она опустилась на круглый диван посреди комнаты, взяла оставленное накануне рукоделие и осмотрела шов. Присутствие гостей ничего не меняло в порядке её дня. Напротив, гости должны были принять этот порядок и тем самым доказать, что достойны приглашения.

За нею появились старшая дочь, леди Кадворт, и её муж Адольфус.

— Так мы едем осенью в Балморал, герцогиня? — спросил он.

— Дорогая королева выразила желание видеть нас в октябре.

Леди Кадворт тотчас повернулась к мужу:

— Долли, мне понадобится тысяча фунтов на платья.

Он остановился, будто на ковре неожиданно обнаружилась ступенька.

— Тысяча? Жаль, что я вообще заговорил об этом.

— Эрминтруда, спина, — сказала герцогиня.

— Да, мама.

Дочь выпрямилась. Адольфус взглянул на неё с покорностью человека, который уже понял, что ни путешествия, ни расходов избежать не удастся.

Из соседней гостиной вошла леди Брук. Поцеловав мать, она спросила, все ли позавтракали.

— Я закончила, — ответила герцогиня. — Твой отец ещё ест или разговаривает.

— Он идёт сюда. С Дифордом.

— Значит, разговаривает. Одно из двух.

Двери распахнулись, и герцог вошёл с молодым человеком, чья утренняя безукоризненность не уступала порядку в комнате. Чарльзу, виконту Дифорду, было двадцать один год. Он уже привык к тому, что его внимательно слушают, и пока не находил причин сомневаться в собственном праве поучать людей значительно старше себя.

— Вы виг, Дифорд! — объявил герцог, продолжая спор, начатый за завтраком.

— Я намерен строить образцовые дома для работников, — ответил Чарльз. — В конце концов, благополучное крестьянство — опора Англии.

При этих словах он слегка приподнял подбородок. Мысль была серьёзная и заслуживала соответствующей осанки.

— Знаете, что сделают ваши благополучные крестьяне? Продадут свинцовые трубы на лом, пустят лестницу на дрова и заведут свиней в кладовой.

— Тогда я их выселю.

— И прослывёрте жестоким землевладельцем.

Чарльз пожал плечами и отошёл к окну. Разговор представлялся ему законченным: герцог упорствовал в старых предрассудках, а спорить с предрассудками до полудня было утомительно. Тем более что из окна можно было видеть дорожку, по которой должна была вернуться Кларисса.

Леди Брук наклонилась к матери.

— Как ты думаешь, он сегодня поговорит с ней?

— Хильдегарда! Он ещё не обращался ко мне.

— А она согласится? — спросила леди Кадворт.

— Разумеется.

— Не знаю, мама. Она такая странная.

Герцогиня подняла глаза от рукоделия.

— Надеюсь, никто из моих детей никогда не был странным.

Сёстры переглянулись. Обсуждать Клариссу в присутствии Чарльза было неосторожно, но он смотрел в сад и старательно делал вид, что не слышит. Его молчание казалось герцогине вполне деликатным. Она снова принялась за шов.

— Кто-нибудь знает, как сегодня леди Биконсфилд? — спросила Эрминтруда.

— Я послала миссис Трэверс справиться. Она совершенно здорова.

— Тогда мне не придётся подниматься к ней. Как хорошо. Терпеть не могу лестницы.

— Вчера она упала в обморок как раз тогда, когда я читала вслух, — сказала Хильдегарда с обидой, словно больная выбрала минуту намеренно.

Лорд Брук опустил газету.

— Зато ты перестала читать.

— Брук! — произнесла герцогиня.

Он снова укрылся за печатным листом.

— Миссис Трэверс сказала, что я напоминаю ей Сару Бернар, — добавила Хильдегарда.

— Агата всегда умеет сказать то, что следует.

— И на семи языках, — заметил Адольфус. — Подумать только.

— Очаровательная женщина, — отозвался герцог. — Очаровательная маленькая... гм.

Он не успел закончить: миссис Трэверс появилась в дверях гостиной.

Она приветствовала каждого так, будто именно его была особенно рада видеть. Лёгкий веер лежал в её руке; платье сидело без единой складки, которую не предусмотрел бы портной. На фоне тяжёлой мебели, глубоких кресел и плотных штор Агата казалась удивительно подвижной. Она умела оказаться рядом прежде, чем человек замечал, что ему требуется собеседник.

— Ах, миссис Трэверс, мы как раз говорили о вас, — сказала герцогиня. — Как там... жена мистера Дизраэли? Совершенно здорова, я уверена.

— Я заглянула к ней. Леди Биконсфилд говорит, что сегодня ей гораздо лучше.

— Совершенно здорова. Я так и сказала.

Агата не стала поправлять хозяйку.

— Дорогая герцогиня, вы так заботливы. И уже за своим художественным трудом!

— Это помогает мне думать.

— О чём же вы думаете?

— Ни о чём.

Веер едва заметно дрогнул.

— Какая безмятежность! Впрочем, с таким количеством гостей у вас и без того довольно забот.

— У нас только две старшие дочери с мужьями, Чарльз и сэр Майкл Проберт.

— Управляющий Банком Англии, — произнесла Агата. — Вы забыли мистера Дизраэли и его супругу.

— Они не мои друзья.

Герцог опустил «Таймс».

— Белинда, они наши гости.

— Да. Я всё ещё пытаюсь понять почему.

Лакей вошёл с письмами, и на несколько мгновений разговор прервался. Один конверт предназначался Эрминтруде, другой — миссис Трэверс. Агата посмотрела на адрес, но вскрывать письмо сразу не стала.

Чарльз оторвался от окна.

— Неужели мы не увидим сегодня леди Клариссу?

Выяснилось, что младшая дочь выпила чай в восемь часов и отправилась гулять по парку с премьер-министром.

Чарльз почувствовал досаду. Он прибыл в Гластонбери-Тауэрс с определённым намерением, и было неприятно обнаружить, что девушка, ради которой он приехал, распоряжается утром без всякого учёта его планов.

— А миссис Дизраэли... простите, леди Биконсфилд?

— Ещё не спускалась, — ответила Агата.

Она подняла глаза от письма. Улыбка была безупречно вежливой; всё же Чарльз почему-то ощутил, что ею отметили именно его раздражение.

— Кларисса любит ранние прогулки, — поспешила сказать герцогиня. — Когда мы одни, она каждое утро ходит к викарию и обратно.

— Две мили! Какое усердие.

— Она читает с ним по-гречески.

— Не уверен, что молодой девушке следует читать по-гречески.

Это замечание удовлетворило герцогиню. Впрочем, она предпочла сменить предмет разговора: греческий язык оставался одним из тех странных увлечений дочери, которые пока не удавалось искоренить.

Агата тем временем сообщила, что муж её по-прежнему болен и переезжает из Карлсбада в Киссинген. Все воды ему не подходят; на каждом курорте появляются новые симптомы, и приходится ехать дальше.

— Я должна была бы находиться рядом, — сказала она. — Но мы так ужасно бедны.

— Полноте, — засмеялся Чарльз. — Эти великолепные бриллианты вчера вечером...

Газета в руках герцога зашуршала.

— Фамильные драгоценности, — ответила Агата без малейшего замешательства. — Мы бедны, но у нас есть предки.

Она проследила за взглядом Чарльза и чуть повернулась, позволив ему рассмотреть платье.

— А это мне ничего не стоило. Ворт знает, в каких кругах я бываю, и считает меня лучшей рекламой. Вот теперь, герцогиня, вы станете меня презирать.

— Вздор, Агата. В хорошей фигуре нет ничего постыдного.

— Совершенно верно, — поспешил вставить герцог.

Жена посмотрела на него, и он снова занялся газетой.

В эту минуту вошёл дворецкий. На подносе лежали телеграммы.

— Мне? — спросила герцогиня.

— Мистеру Дизраэли, ваша светлость.

— Его здесь нет.

— Нет, ваша светлость.

Дворецкий остался стоять. Слуги в Гластонбери-Тауэрс хорошо знали, что любую заминку следовало устранить прежде, чем хозяйка обратит на неё внимание; но адресата телеграмм нельзя было ни вызвать звонком, ни найти в отведённых ему комнатах.

— Кажется, я могла бы его разыскать, — сказала Агата.

Она уже протянула руку к подносу.

— Ни в коем случае, Агата. Оставьте их у себя, — распорядилась герцогиня, обращаясь к дворецкому.

Агата убрала руку и раскрыла веер.

Дверь закрылась.

— Дешеш, послания, телеграммы! С этим человеком в доме нет покоя.

— Ну, Белинда...

— Нет покоя, — повторила она.

За окнами ударил крокетный шар. Солнечное пятно медленно передвигалось по паркету. Чарльз снова смотрел на дорожку, а миссис Трэверс обмахивалась веером, хотя утро было прохладным.

Имя Дизраэли произносили здесь с неудовольствием, надеждой, насмешкой или любопытством. Самого его всё ещё не было в комнате, однако разговор то и дело возвращался к нему. Герцогиня пыталась удержать утро в привычных пределах. Телеграммы, приходившие одна за другой, уже нарушали этот порядок.

Глава 2. Цветы для Мэри Энн

Хильдегарда вернулась из сада, удерживая мужа за локоть. Он шёл с выражением человека, которому обещали прогулку, а вместо неё назначили урок. В свободной руке леди Брук держала раскрытую книгу.

Она читала ещё до того, как переступила порог. Стихи о музыке и внезапно найденном созвучии наполнили комнату; Хильдегарда подняла лицо, ожидая, что кто-нибудь разделит её чувство.

— Сама божественная Сара! — воскликнула миссис Трэверс.

— Поразительно, — сказал Брук.

Он осторожно высвободил локоть и снова вышел на лужайку.

Герцогиня спросила, не Суинберн ли это. Имя прозвучало как название неблагонадежного общества, к которому одна из дочерей могла по недосмотру примкнуть.

— Нет, мама. Милая Аделаида Энн Проктер.

— Я не позволяю дочерям читать Суинберна, — объяснила герцогиня Чарльзу.

Он почтительно наклонил голову. Надзор за чтением молодых женщин представлялся ему разумной предосторожностью. Кларисса, например, уже читала по-гречески; трудно было сказать, к чему это приведёт, если никто не вмешается.

Агата подошла к герцогу, скрывая улыбку веером. Он что-то пробормотал о строгости Белинды и чистоте домашнего очага. Миссис Трэверс ответила тихо, так что Чарльз не разобрал слов, но герцог рассмеялся.

Эрминтруда посмотрела на них, затем на мать.

— Как папа любит хорошенькие лица.

Герцогиня положила рукоделие на колени.

— Чарльз, покажите миссис Трэверс розарий. Возможно, вы встретите Клариссу.

Чарльз замешкался.

— Я хотел бы поговорить с вами, герцогиня.

— О чём?

— Если возможно, наедине.

На лице хозяйки впервые за утро появилось довольное выражение. Она посмотрела на старших дочерей, и те сразу вспомнили о делах в саду.

— Вернитесь через несколько минут, — сказала она Чарльзу.

Тот предложил Агате пройтись и пообещал рассказать о своих образцовых домах. Она приняла приглашение с такой живостью, будто всю неделю ждала случая услышать о новых водостоках.

Когда они отошли от окна, герцог отложил газету.

— Белинда, я был бы благодарен, если бы ты перестала так говорить о мистере Дизраэли. Я объяснял: он приглашён по политическим причинам.

Она выбрала новый оттенок нити.

— Кажется, в Сомерсете агитирует некий Джозеф Арч. Весьма достойный сельскохозяйственный работник. Ты собираешься пригласить и его? По политическим причинам?

— Как ты можешь сравнивать!

— Сравнение будет в пользу мистера Арча. Доброе саксонское имя. Возможно, его род древнее твоего. Кроме того, он христианин.

— Дизраэли тоже...

— Бенджамин Дизраэли? Звучит неубедительно.

Герцог посмотрел на жену. Он знал этот тон: поправки лишь укрепляли её уверенность. Там, где она усматривала нарушение установленного порядка, факты мало помогали.

— Он ум нашей партии.

— Ум не заменяет происхождения.

— Он достиг высокого положения.

— Атласными жилетами и женитьбой на пожилой женщине ради её денег.

— Белинда! Ты ведь не собираешься дурно отзываться о леди Биконсфилд?

— Я могу сказать против неё только одно.

— Что же?

— Она вышла за мистера Дизраэли.

Герцог встал. За окном Брук делал вид, что выбирает подходящий молоток для крокета. Присоединиться к нему было куда приятнее, чем продолжать разговор.

У дверей снова появился дворецкий. Ещё одна телеграмма. Кроме того, какой-то газетчик спрашивал премьер-министра.

— Я уже говорила: мистера Дизраэли нет дома.

Слуга поклонился и исчез. Герцогиня с досадой отложила иглу. Человека ещё не видели этим утром, а он успел занять весь дом: прихожую, садовые дорожки, разговоры гостей. Даже её собственная комната постепенно превращалась в приёмную.

Чарльз вернулся один.

— Вы одни? — спросил Чарльз.

— Да. Но я не в духе, — ответила герцогиня.

Он улыбнулся, полагая, что это приглашение проявить участие.

— Мистер Дизраэли превращает дом в проходной двор, — сказала она. — Теперь ещё газетчик пытается сюда попасть.

— Прикажете мне его удалить?

— Нет, нет. Итак, Чарльз?

Она села, и молодой человек остановился перед нею. Он заранее обдумал этот разговор. Следовало показать серьёзность намерений, уважение к семье и понимание обязанностей, которые налагал его будущий титул. От неожиданностей он себя, как ему казалось, обезопасил.

— Полагаю, вы догадываетесь.

— Возможно. Но предположим, что нет.

— Принимая ваше любезное приглашение, я преследовал определённую цель. В последнее время я много размышлял и пришёл к выводу, что обязан жениться.

Герцогиня одобительно смотрела на него.

— Сколько вам лет?

— Двадцать один.

— Очень мало.

— Я думаю прежде всего о будущей жене. Вскоре на неё могут лечь значительные обязанности. Нужно заранее подготовиться.

— Ваш отец, надеюсь, здоров?

— Совершенно. Однако его образ жизни не позволяет рассчитывать на исключительное долголетие.

Он произнёс это спокойно. Герцогиня не нашла в его словах ничего неуместного: речь шла о будущем семьи, а семейные дела требовали предусмотрительности.

— Словом, я прошу позволения предложить руку леди Клариссе. Могу ли я надеяться на ваше согласие и согласие герцога?

— Если согласна я, согласится и герцог. Но Клариссе едва двадцать.

— Тем легче будет направить её характер.

Это было удачно сказано. Герцогиня чувствовала, что Чарльз понимает трудность, с которой ей приходилось сталкиваться ежедневно.

— Она своенравна. И слишком оригинальна. Совершенно не интересуется вышиванием. Оставила уроки Арабеллы Годдард. Знаете почему? Сказала, что слишком музыкальна, а мисс Годдард — недостаточно.

Чарльз снисходительно рассмеялся.

— Эти милые причуды меня не тревожат. Не забывают, она постоянно будет в моём обществе.

— Да. Это должно её отрезвить.

Он воспринял ответ как похвалу.

— Значит, вы согласны?

— С радостью, Чарльз. С радостью. Я буду счастлива услышать, что она вас приняла.

— Вы услышите об этом сегодня.

Он наклонился и поцеловал протянутую руку. Лишь теперь у него немного участился пульс. Главное препятствие было преодолено; оставалось объяснить всё самой Клариссе.

В саду послышались шаги. Герцог сопровождал к дому леди Биконсфилд, а следом шла миссис Трэверс.

Чарльз посторонился. Увидев пожилую даму вблизи, он невольно вспомнил вчерашний обморок. Усталость ещё угадывалась в её лице, и через порог она переступила осторожно. Но улыбка её была такой открытой, что формальные приветствия на мгновение показались ему излишними.

— Вот леди Биконсфилд, Белинда, — сказал герцог.

— Доброе утро. Рада слышать, что вам гораздо лучше.

— Благодарю. Я ищу своего непутёвого мужа.

— Кажется, он в парке с Клариссой.

— Никогда не встречала человека с таким чутьём на молодость и красоту.

Герцогиня подняла брови.

— В самом деле?

Леди Биконсфилд рассмеялась.

— Я понимаю ваше «в самом деле». Вы удивляетесь, почему это чутьё подвело его, когда он женился на мне.

— Уверю вас...

— Ничуть не обижаюсь. Величайший человек на свете — мой муж. А как и почему это случилось, мне уже неважно.

Герцогиня не знала, что ответить. Против такого простодушия обычная светская холодность была бесполезна: её либо не замечали, либо встречали смехом.

— Сэра Майкла Проберта сегодня видели? — спросила леди Биконсфилд. — Диззи очень хочет с ним поговорить.

Агата перестала обмахиваться.

— Управляющий Банком Англии, естественно, занят даже во время отдыха, — ответила герцогиня.

— Премьер-министр тоже. Особенно когда кажется, что он развлекается.

Миссис Трэверс пошутила, что ей хватило бы пяти минут в банковских подвалах. Герцог заверил её, что стоит лишь взмахнуть веером — и управляющий исполнит любое желание. Чарльз счёл нужным объяснить, что номера банкнот известны, поэтому пользоваться добычей было бы затруднительно.

— Вы тоже не любите шуток? — спросила Агата.

— Юмор бывает разного рода. У нас, оксфордцев, он особенный.

— Которым вы ни с кем не делитесь.

Он не успел решить, как следовало принять эти слова: Кларисса вошла из сада.

Она несла столько цветов, что несколько стеблей выскользнули из охапки и упали на ковёр. Лёгкая сырость потемнила подол её платья; на щеках ещё держался румянец прогулки. Остановившись перед матерью, она поздоровалась со всеми сразу и не заметила, как Чарльз приготовился шагнуть к ней.

— Мама, я так взволнована!

— Хотелось бы убедить тебя никогда не волноваться.

— Тогда не следовало приглашать к нам величайшего человека на свете.

Леди Биконсфилд оживилась.

— Вот! Она тоже так его называет.

Кларисса взяла её за обе руки.

— Какая вы счастливая! Всегда быть рядом с ним. Первой узнавать его мысли.

— Я постоянно это себе повторяю, дорогая.

Леди Биконсфилд поцеловала девушку. Чарльз стоял достаточно близко, чтобы видеть, как свободно Кларисса отвечает на её ласку, и почему-то чувствовал себя отодвинутым значительно дальше.

— Он всё преобразает, — продолжала она. — Даже знакомый парк. Цветок у воды для него — целая история. И ты вдруг видишь то, мимо чего проходила каждый день.

— По моему убеждению, государственному деятелю не следует предаваться фантазиям, — сказал Чарльз.

Кларисса посмотрела на него. Он заметил этот взгляд, но принял его за внимание и приготовился развить мысль.

Герцог спросил, куда подевался Диззи, затем поспешил извиниться перед его супругой за фамильярность.

— Не нужно, — сказала она. — Я зову его Диззи, потому что люблю. Мир зовёт его Диззи по той же причине. Такое имя дороже титула.

— Кажется, он пошёл кормить павлинов, — ответила Кларисса.

— Павлины и лебеди! Он их обожает. В Хьюэндене они повсюду.

— Необыкновенный человек, — заметил Адольфус. — Даже если не видишь, всё равно чувствуешь, что он вошёл.

Чарльз хотел возразить, но в саду зашуршал гравий.

Дизраэли появился с маленьким букетом в руке. Он вошёл без торжественности, посмотрел на хозяйку и сказал:

— Герцогиня, ваши павлины слишком рано линяют. Им нужно больше корма и меньше воды.

— Я не занимаюсь животными.

— Тогда вы лишаете себя немалой привязанности.

Он повернулся к жене.

— Доброе утро, Мэри Энн.

После этого поздоровался с остальными. В его голосе не было ничего, что оправдывало бы утреннюю тревогу слуг и важность приходивших телеграмм. Кларисса села на край дивана. Чарльз остался стоять.

— Приятно погуляли? — спросила миссис Трэверс.

— Восхитительно. Зима рука об руку с весной. Невинность рядом с...

— Коварством? — подсказал Чарльз.

Дизраэли взглянул на него.

— Опытом. Впрочем, почти одно и то же.

Агата спросила о цветах.

— Мэри, дорогая, ваша утренняя дань.

Он вложил букет в руки жены и поцеловал её.

Герцогиня отвела глаза. Чарльз почувствовал неловкость: подобную нежность полагалось оставлять за дверями спальни, особенно в таком возрасте. А Кларисса смотрела на супругов с внезапной тишиной в лице.

— Каждое утро, — пояснила леди Биконсфилд. — Где бы мы ни находились.

Она поправила один стебелёк. Дизраэли заметил, что рука её чуть дрожит, и на мгновение задержал ладонь возле её пальцев. Убедившись, что она крепко держит цветы, отступил.

— Как невежливо забывать о нас, — сказала Агата.

— Воздавая должное леди Биконсфилд, я воздаю должное всем женщинам.

— Нет, Диззи, так не пойдёт, — рассмеялась жена. — Это знак любви ко мне лично. И ты прекрасно знаешь.

— Не обольщайся. Ты ведь знаешь, я женился на тебе ради денег.

Герцогиня застыла. Теперь эти слова, произнесённые совсем недавно ею самой, прозвучали в комнате с пугающей отчётливостью. Однако леди Биконсфилд улыбалась.

— Возможно. Но если бы пришлось начинать сначала, теперь ты женился бы на мне по любви.

— Избави меня от такой мысли! Все, кто женится по любви, либо бьют жён, либо сбегают от них.

— Надеюсь, вы шутите, сэр, — сказал Чарльз.

Дизраэли поднял монокль и несколько мгновений изучал молодого человека.

— Сэр, я тоже на это надеюсь. Но полной уверенности у меня никогда нет.

Он опустил монокль.

— Проберта всё ещё нет?

— Сэр Майкл чрезвычайно занят, — ответила герцогиня.

— Какой ленивый человек.

— Ленивый? — переспросил Чарльз.

— Разумеется. Человек, который делает дело, не должен всё время попадаться за этим на глаза.

— Это поза.

— Напротив. Поза — когда он позволяет всем это видеть.

Дизраэли подошёл к шнуру звонка и потянул его.

— Герцогиня, позвольте позвонить?

— Вы уже позвонили.

Дворецкий появился почти тотчас и, по привычке, обратился к хозяйке. Дизраэли попросил передать сэру Майклу, что желает с ним поговорить, затем положил шляпу и накидку на руку слуги. Тот вопросительно посмотрел на герцогиню. После короткой паузы она кивнула.

— Никто не привык вызывать управляющего Банком Англии звонком, — произнесла она, когда дверь закрылась.

— Почему же? — спросил Дизраэли.

Ответить на этот простой вопрос оказалось труднее, чем выразить возмущение.

Кларисса наклонилась, подбирая цветы с ковра. Мэри Энн сидела с букетом на коленях и смотрела на мужа. Она знала: он уже думает о предстоящем разговоре. Но цветы успел принести. Даже сегодня, когда с раннего утра его разыскивали люди и одна за другой приходили телеграммы.

Глава 3. Египетская канава

Миссис Трэверс сказала, что встреча премьер-министра с управляющим Банком Англии обещает быть необыкновенно интересной.

— Боюсь вас разочаровать, — ответил Дизраэли.

Он смотрел на неё чуть дольше, чем требовала любезность. Агата сохранила улыбку, хотя веер в её руке перестал двигаться.

— Странно...

— Боже мой! У меня растрепались волосы?

— Вы напоминаете мне что-то голубое с белым.

— Как очаровательно.

Она легко повернулась к герцогу. Дизраэли перевёл взгляд на хозяйку.

— Я позволю себе ещё одну дерзость: прошу разрешения поговорить с Пробертом наедине.

— Библиотека в вашем распоряжении.

— Она слишком торжественна. Невольно подумаешь о совещании. А мне нужна всего лишь беседа. Эта прелестная комната, цветы, солнце — всё вполне подойдёт.

Герцогиня выпрямилась. Гость намеревался остаться; следовательно, уйти должна была она.

Герцог поспешил предложить Агате осмотреть его оружие. Старшие дочери с мужьями вышли в сад. Белинде он посоветовал показать леди Биконсфилд оранжерею. Хозяйка поднялась с достоинством, которое стоило ей заметного усилия, и велела Клариссе заняться Дифордом.

Чарльз немедленно заговорил о преобразованиях в своём поместье. Он был убеждён, что счастливое крестьянство...

— Какие преобразования? — спросил Дизраэли.

Молодой человек замялся. Ему не хотелось обсуждать свои планы с премьер-министром после недавнего обмена остротами, но отказаться от возможности изложить их он тоже не мог.

— Боюсь, вы сочтёте это слишком незначительным. Осушение болотистых участков, новая система стоков, образцовые жилища, молочные хозяйства. Всего лишь вопросы санитарии.

— Как же, как же! Политика канализации. Великолепно. Вот настоящее государственное дело. Здоровье прежде всего! Санитария санитарий — всё санитария.

Он произнёс переделанную библейскую формулу с удовольствием. Чарльз покраснел.

Дизраэли действительно заинтересовали его планы. Молодой землевладелец мог бы сделать немало полезного, если бы меньше заботился о впечатлении, которое производит. Однако Чарльз слышал только смех.

— Я знал, что вы станете надо мной насмехаться. Леди Кларисса, пойдёмте?

— Простите. Я собираюсь писать дневник.

— Дневник?

— Во время прогулки мистер Дизраэли сказал несколько вещей, которые я хочу запомнить.

Чарльз вышел в сад и закрыл за собой окно резче, чем следовало. Кларисса не обернулась. Сэр Майкл Проберт появился из гостиной. Он ответил на её приветствие коротким кивком, пропустил девушку к двери и сразу обратился к Дизраэли:

— Сегодня утром я очень занят.

— Как же вы должны быть благодарны за эту передышку.

— Мистер Дизраэли...

— Одну минуту.

Премьер закрыл дверь, затем окна. Садовые звуки стихли. В комнате пахло розами и нагретым деревом. Проберт стоял у кресла, не желая садиться прежде, чем узнает, сколько времени у него собираются отнять.

— Разве здесь недостаточно тепло?

— Удивительно, как далеко разносятся голоса.

— Что?

— И как охотно хорошенькие ушки идут им навстречу.

— Вы хотите сказать...

— Ничего. Садитесь, Проберт.

Управляющий сел. На нём лежала ответственность за учреждение, которое существовало задолго до нынешнего кабинета и должно было пережить ещё множество правительств. Он привык считать это достаточным основанием для осторожности. Премьер-министр, напротив, казался ему человеком, способным ради красивого замысла объявить осторожность пороком.

— Я необыкновенно занят.

— Я обыкновенно занят. Вы приехали вчера, когда все уже легли, и нашли мою записку.

Проберт усмехнулся.

— Это ведь не могло быть всерьёз.

— Совершенно всерьёз.

— Вы действительно намерены купить Суэцкий канал?

— Редко я намеревался сделать что-либо столь же серьёзно.

Проберт посмотрел на него внимательнее. Слово «купить» в записке казалось одним из тех преувеличений, которыми славился Дизраэли. Теперь выяснялось, что за ним стоит просьба о деньгах.

— Но канал не продаётся.

— Продаётся. Исмаил жаждет продать свою долю.

— Откуда вы знаете?

— Мистер Гринвуд. Генри Оппенгейм. Впрочем, сейчас неважно, каким путём дошли сведения.

— И вы просите Банк Англии поддержать вас?

— Временно. До созыва парламента.

Дизраэли говорил о приобретении египетского пакета акций. В разговоре это сокращалось до «канала», но за простым словом стояли долги хедива, бумаги компании и возможность действовать прежде, чем чужое предложение сделает британское бесполезным. Проберт слышал в нём прежде всего будущие обязательства Банка.

— На основании неопределённых сведений, которые вы даже не желаете объяснить?

— Объясню, когда придёт время. Сейчас мне нужно ваше согласие в принципе.

— Тогда скажу сразу: этого согласия вы не получите. Никогда, сэр.

Управляющий положил ладони на подлокотники.

— Подождите.

— Ждать нечего. Я серьёзный человек. Я не позволю бросать на ветер деньги, доверенные Банку. Особенно ради египетской канавы.

— Египетская канава. Недурно сказано. Но деньги не будут брошены на ветер: за вами стоит правительство.

— Чем это подтверждается?

— Моим словом.

Проберт заметил перемену в голосе. Она не заставила его уступить, но он отнял руки от подлокотников.

— А если правительство падёт?

— Оно постоянно падает. Что это меняет? Консерваторы продолжают там, где остановились радикалы, и наоборот. К тому же в данном случае оно не успеет пасть. Всё должно быть сделано в ближайшие три недели, задолго до созыва парламента.

За закрытым окном мелькнуло светлое платье. Дизраэли заметил движение, но не повернул головы.

— К чему такая спешка?

— Потому что речь идёт о главной дороге в Индию.

— Опять это старое пугало!

— Постоянная опасность, Проберт. Наши соперники знают, что эту дорогу можно приобрести.

— Отчего же они её не приобрели?

— Ещё не готовы. У них нет флота, но они наблюдают за нами. За мной.

Проберт фыркнул.

— Мания шпионажа.

Оконная створка медленно подалась внутрь. Снаружи миссис Трэверс протянула руку к вящемуся растению. Цветок рос так близко к стеклу, что, желая сорвать его, действительно можно было задеть раму.

— Стоит им заметить малейшее движение с моей стороны, — продолжал Дизраэли, — и они перехватят сделку, есть у них флот или нет.

Управляющий возразил что-то о средствах, которыми располагали соперники. Дизраэли ответил быстро; Проберт уже готовился спорить, когда увидел женщину за окном.

— Какая красавица, — произнёс он вполголоса.

Агата держала сорванный цветок. Встретившись с их взглядами, она приветливо кивнула и пошла дальше, не проявив ни смущения, ни интереса к прерванной беседе.

— Да, — сказал Дизраэли. — И какие хорошенькие ушки.

Он подошёл к окну и закрыл его. Несколько мгновений пальцы оставались на ручке. Потом он вернулся к собеседнику.

Проберт решил не придавать случаю значения. Разговор происходил в гостях, а не за дверями правительственного кабинета; женщины гуляли по саду и собирали цветы. В привычном порядке вещей было достаточно объяснений, чтобы не искать других.

— После этого приятного перерыва... — начал Дизраэли.

— Мой ответ прежний. Ваш план безрассуден. К тому же он противоречит конституционному порядку, и Банк не станет участвовать в подобных действиях.

— Я повторяю: у нас нет времени.

Проберт отмахнулся.

— Вы преувеличиваете значение предприятия. У вас восточное воображение. Канал проходит через пустыню, и вы видите его как мираж.

Дизраэли сел. Спор утомлял его сильнее, чем он рассчитывал. Каждое возражение возвращало их к исходной точке, тогда как время уходило независимо от того, достигли они согласия или нет.

— Снова удачно сказано. Ах, мы, поэты.

— Канал — признанная неудача.

— Вот как?

— Всё, что не приносит дохода, неудача. У меня надёжные сведения об объёме судоходства за прошлый год...

— Британского судоходства, заметьте. Почти всё оно британское.

— И что же?

— Вы хотите, чтобы для него закрыли канал?

— Он сам закроется. Его заносит песком. Скоро единственным кораблём, который там пройдёт, будет корабль пустыни. Я имею в виду верблюда.

— Я так и подумал.

Проберт не рассмеялся.

— Остерегайтесь Востока. Не трогайте его, иначе погибнете. Вспомните фараона.

— А Моисей?

— Он был евреем... гм... У него были особые преимущества.

В комнате стало тихо. Дизраэли смотрел на управляющего без улыбки. Проберт почувствовал неловкость и поспешил встать.

— Словом, я не одобряю ваших пышных замыслов. Они чужды английскому духу. Банк не пошевелит пальцем, чтобы помочь.

Дизраэли поднялся и открыл окна. Из сада пахло прохладой. За стёклами всё оставалось прежним: травяной ковёр, гравийная дорожка, тщательно подрезанные ветви. Он задержал взгляд на пустой аллее, пока не убедился, что может говорить спокойно.

— Почему вы открываете...

— Боялся, что вам стало слишком жарко. Мне стало.

Проберт принял это за признание поражения.

— Рад, что мне удалось сделать вашу авантюру невозможной.

— Но вам это не удалось.

— Где же вы возьмёте деньги?

Премьер обернулся.

— Пойду туда, куда ходил фараон. Куда идут все христиане. К Моисею.

Управляющий не сразу нашёл ответ. Затем направился к двери и, уже взявшись за ручку, ещё раз изложил позицию учреждения, которое возглавлял. На этот раз медленнее, чтобы ни одна оговорка не могла послужить основанием для новых просьб.

— Это окончательно, сэр.

— Ничто не окончательно, сэр Майкл. Если Моисей меня подведёт — хотя это маловероятно, — я могу снова за вами послать.

— И я не приду!

Дверь закрылась.

— Полагаю, придёте, — сказал Дизраэли.

Мэри Энн вошла из сада. Она слышала последние слова Проберта и остановилась возле мужа.

— Вы поссорились?

— Нет, дорогая. Он просто упустил свой случай.

Дизраэли подошёл к письменному столу. На нём лежали бумага, чернильница и веер, оставленный Агатой. Он отодвинул веер, потянул шнур звонка и сел писать.

— Мэри, пойдём потом ко мне. Нужно отправить несколько писем. Я должен связаться с Хью Майерсом.

— С банкиром?

Она спросила это негромко. Названное имя объясняло ответ о Моисее, но не снимало тревоги. Дизраэли не стал уверять её, что всё уже улажено.

— С банкиром. Именно с ним.

Дворецкий принял телеграмму. Премьер проследил, как тот вышел, и лишь после этого взял со стола веер.

Он раскрыл его, посмотрел на складки, затем на тонкую рукоять. Мэри Энн ждала, что он вернётся к разговору о деньгах, но выражение его лица изменилось.

— Где я прежде видел миссис Трэверс?

— Мы встречали её на обедах.

— Нет. Давно.

— Диззи, ты опять пустился в погоню за какой-нибудь догадкой.

— И теперь она всё время перед глазами.

— Она тобой восхищается. Как все хорошенькие женщины.

— Голубое с белым...

Он положил веер. Вспоминалось что-то вполне определённое, но стоило попытаться удержать образ, как тот ускользал. Между давней встречей и женщиной, которая только что сорвала цветок у окна, оставалась пустота.

Мэри Энн позвала его по имени.

На дорожке появилась Кларисса. Рядом с нею шла Агата, повернув к девушке голову. Дизраэли слышал её смех.

— Вот она опять. Ступай, дорогая, я сейчас приду.

Жена направилась в гостиную. Он последовал за нею, но у двери задержался. Агата снова засмеялась — коротко, свободно, словно ни один разговор этим утром не требовал от неё усилий.

Дизраэли остановился.

Теперь он вспомнил.

Глава 4. Потомок и предок

Кларисса увидела, как Дизраэли скрылся в гостиной, и остановилась у окна.

— Мы его спугнули. Какая жалость.

— Как ты им восхищаешься, — сказала Агата.

— А как им не восхищаться? Рядом с ним понимаешь, что разговариваешь с человеком, который создаёт историю.

Миссис Трэверс вошла вслед за девушкой. На столе лежал её веер, и она взяла его без всякой поспешности.

— Он, вероятно, очень откровенен с тобой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.